18+

Леонид Комаров
Анна Русак

Воспоминания полковника Комарова о детстве и службе

Анна Русак
Леонид Комаров

Воспоминания полковника Комарова о детстве и службе

https://litres.ru/74928264
ISBN 9785007172172

Аннотация

Леонид Иванович Комаров, 85-летний полковник в отставке с богатым жизненным опытом, рассказывает о своем пути: от пятилетнего мальчика, пережившего ужасы войны, — до почетного командира. Последние годы жизни Леонид Иванович вынужден бороться с болезнью Паркинсона, являясь также инвалидом по зрению. Не привыкший сдаваться, он решил написать книгу Воспоминаний с помощью своего друга и журналиста Анны Русак.

Содержание

Вступление 5
Воронеж. Детство 9
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Воспоминания полковника Комарова о детстве и службе

Леонид Иванович Комаров
Анна Ивановна Русак

Составитель Анна Ивановна Русак
Редактор Игорь Иванов

© Леонид Иванович Комаров, 2026
© Анна Ивановна Русак, 2026
© Анна Ивановна Русак, составитель, 2026

ISBN 978-5-0071-7217-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Старая гвардия

> ***Старая гвардия*** *— группа людей, организация или коллектив, которые долгое время остаются верными определенным идеям, принципам или лидеру. Они часто ассоциируются с опытом, преданностью и высокими нравственными качествами (фразеологический словарь)*

Дом, где живет Леонид Иванович Комаров, когда-то принадлежал только военным офицерам и их семьям. Его соседи были выпускниками одного и того же учебного заведения, и теперь, находясь на пенсии, они продолжают встречаться и общаться. Те, кто помоложе, находят в себе силы трудиться в качестве преподавателей колледжей или вузов. А еще помогают семьям погибших офицеров, восстанавливают памятники героям — выпускникам академии, погибшим в горячих точках. Память о наиболее ярких моментах службы они сохранили для будущих поколений курсантов в своих самиздатовских книгах, передав их в музей академии. Они выручают своих товарищей в трудные периоды их жизни, будь то болезнь или одинокая старость. Никто не собирается сдаваться. Для них звание офицера — не просто красивое слово. Таких людей немного, и становится все меньше. Тех, кого принято называть «старой гвардией».

Что же сделало их такими? Советское время, в котором они жили и воспитывались, или трудности, через которые им пришлось пройти. Кто знает? Важно, что эти идеалы помогли им выжить и сохранить для нас ту победу во Второй мировой войне, которая досталась нашей стране слишком дорогой ценой.

Воспоминания о детстве и службе нашего героя — это путь одного из представителей старой гвардии к личной победе над трудностями, с которыми столкнула его судьба. Но самыми яркими его воспоминаниями остались воспоминания о детстве, опаленном войной.

Когда началась война…

…Пытаюсь представить, каким был первый день войны в семье Комаровых.

22 июня 1941 г. Суббота. Воронеж.

Мать сидит на кухне и караулит щи, которые варятся в печке. Отец что-то наигрывает на аккордеоне. Пятилетняя Аллка, повязав на поясе шаль в виде юбки, изображает цыганку, прямо как в оперетте «Сильва», которую они недавно ходили смотреть в летний театр всей семьей, а четырехлетний Юрка все время пытается наступить на пляшущую по полу бахрому. Дед в своем углу что-то мастерит, и если присмотреться — он правит веревочную сетку-бортик на детскую кроватку. Мама в положении. Она двигается уже тя-

жело, часто присаживалась отдохнуть, и все понимают, что ей оставались считанные дни до родов. Все пятеро живут в ожидании этого события.

«Внимание, внимание!» — вдруг раздается из радиоприемника.

— Тише! — мать разом прекращает детский концерт.

— Прибавь звук! — отец откладывает аккордеон в сторону.

«Граждане и гражданки Советского Союза!.. Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну…».

Почти 10-минутное выступление председателя Совета народных комиссаров СССР В.М.Молотова* заканчивалось знаменитыми словами:

«Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

Отец в тот же день, еще до объявления мобилизации, отправился подавать заявление в военкомат. 28 июня, проводив жену в роддом, он уйдет на фронт. Дойдет до Берлина, победит. Война оставит ему жизнь, но в свою семью он больше не вернется. Мать будет всю войну за него молиться, работать за пятерых и ждать. И однажды, увидев его в другой семье, она обезумеет, не выдержит и чуть не застрелит его из пистолета, и только случай помешает ей. Оставшись одна, она так и не выйдет замуж. И одна вырастит всех троих

детей.

*****Молотов Вячеслав Михайлович*** *— зампредседателя Совета народных комиссаров СССР, он был вторым человеком в государственной и партийной иерархии сталинской эпохи. Выдающийся советский политик, самый преданный соратник Сталина.*

Воронеж. Детство

Немного истории

В первый год войны линия фронта находилась еще далеко от Воронежа. Кинотеатры, театры, городские сады продолжали работать, также как и магазины, больницы, школы, вузы. Но люди все чаще говорили о войне, каждый день они слушали и читали сообщения с фронта, в семьи начали приходить первые похоронки. В городе было объявлено военное положение, и действовал комендантский час до 22 ч. На улицах стояли противотанковые ежи, а весь транспорт был отправлен на фронт: ходили только трамваи. Многие заводы и предприятия эвакуировали.

День 13 июня 1942 года принес непоправимую беду во многие воронежские семьи. В городском саду пионеров проходил детский праздник, посвящённый окончанию учебного года. Внезапно начался вражеский авианалёт. Во время праздничного выступления на зрителей полетели бомбы.

Об этой трагедии областная газета не написала, чтобы не сеять панику. Так было принято в то время. А 28 июня 1942 года началось стремительное выступление немецких войск в воронежском направлении.

Налеты стали ежедневными. Начинались они после полуночи и продолжались по 2 — 3 часа, неся смерть, пожары,

разрушения. Люди срочно стали эвакуироваться, но удавалось это немногим. Те, кто остался в городе, ютясь зачастую в подвалах, выживали в сложных бытовых условиях, где не было электричества и не хватало воды.

Больше 200 дней длилась оккупация, а затем битва за Воронеж. Город стал символом мужества и стойкости. В январе 1943-го советские войска смогли освободить Воронеж и жители в немыслимо короткие сроки восстановили его, практически полностью уничтоженный в ходе боевых действий.

В этом, возможно, кроется особое качество воронежцев: мужество и стойкость у них в крови, что позволяет им и сегодня успешно справляться с любыми трудностями.

Между жизнью и смертью…

— После вторжения в город гитлеровцы начали грузить местных жителей в эшелоны для отправки на работу в Германию. Моя мать, мы, дети, и дед также оказались в одном из вагонов.

Неизвестно, как сложилась бы наша судьба, если бы нас неожиданно не высадили на какой-то станции. В полном составе нашей семье удалось добраться до ближайшего селения, но фашисты были и там.

Тогда нас, беженцев, приютила одна из местных женщин. Дважды жителей деревни выводили на расстрел. В таком положении нас держали целый день. Сестра всю жизнь помни-

ла, как брат Юрка просил деда: «Дедушка, закрой мне глаза, мне страшно». Сестра уснула, прижавшись к ноге матери, а на руках у мамы был я. Когда нас отпустили, Юрка в отместку собрал местную ребятню, они взобрались на холм, и, маршируя, громко запели то, что знал тогда весь советский народ. Юрка шел впереди и пел громче всех:

Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полёт.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идёт…

Перепуганная мать едва успела уговорить их прекратить эту опасную затею и спуститься с холма. Второй раз, когда искали зачинщика покушения на немецкого офицера, пришли за дедом. Но мать догадалась вовремя побрить и переодеть его в женскую одежду. На расстрел вывели в тот день снова всю семью. Но опять помог случай — пропавший немецкий офицер нашелся и объяснил ситуацию. Так чудом мы второй раз спаслись от смерти. И как только пришла весть об освобождении Воронежа, тут же отправились домой.

После войны

— После войны мы, дети, видели уже совсем другого врага — они были нашими пленными. Отношение к ним было неоднозначным. Мы наблюдали, как побежденные немцы

строили здание школы. Они проходили совсем близко и выглядели жалко. Кто-то мог бросить в них камень, а кто-то — подать хлеб.

Война окончилась. Но нас постигло тяжелое горе: отец не вернулся домой, выбрав другой путь. Это оставило неизгладимый след в душе. Такие случаи после войны были не редкостью. Старшая сестра старалась оправдать его, подчеркивая, что он в первые дни войны сам отправился в военкомат, будучи уже фактически отцом троих детей, что как воин он проявил мужество на фронте. Но матери и мне было трудно простить отца. Тогда я еще не понимал, что война калечит не только тела, но и души людей, переворачивая все вверх дном.

Первые шаги

С малых лет Леонида отличали самостоятельность и ответственность, так что ему доверяли различные обязанности по дому — приносить щепки, растопить печь. Однажды он даже сварил щи, хотя сильно обжог руку.

Как у любого ребенка, в его поведении хватало шалостей. Не раз он пытался сам добраться из детского сада домой. Однажды заблудился, но, полагаясь на свою память, все-таки вышел на знакомую дорогу. Были и рискованные путешествия на трамваях, одно из которых едва не стоило ему жизни. Мальчишкам нравилось кататься на так называемой

«колбасе» — так в народе называли деталь, которая служила для сцепки трамвайных вагонов. Лёня никак не думал, что на резком повороте эта «колбаса», связующая вагоны, может его раздавить.

Он до сих пор помнит проделки в компании сверстников. Однажды они решили полакомиться грушами из огорода соседки — вроде бы дело безобидное, ведь груш у нее было столько, что некоторые гнили на земле. Но соседка пожаловалась родителям, и всех строго наказали. Законы совести оставались неизменными и, очевидно, были превыше всего.

Шиловский лес

Война наложила отпечаток на детство и в том, в какие игры дети играли. Подростки делали дымовые шашки и бросали их под колеса проезжающих машин. Сквозь дымовую завесу машины не могли проехать. Водители выходили, ругались, и всякий раз пытались поймать зачинщиков. Однажды Леонид изготовил свою шашку, добавив туда немного воды, чтобы дольше дымилось, и решив попробовать ее в действии. И сразу, что называется, попал под раздачу. Мальчик быстро рванулся наутек и, шустрый и худенький, успел добежать до дома, когда к ним во двор вошли сосед с милиционером. Леонид доедал горбушку — единственное, что было на столе. С этой горбушкой он и вышел навстречу, готовый к неприятностям. Но сосед решил не выдавать его ми-

лиционеру. Вкус этой горбушки он запомнил надолго.

Игры с порохом не всегда заканчивались без последствий.

— В Воронеже есть Шиловский лес, и до сих пор помню, как во время уроков все боялись услышать очередной взрыв. Этот звук означал, что чья-то жизнь оборвалась или кто-то получил серьезные травмы. Родители, чаще всего это были матери, целыми днями работали, оставляя детей предоставленными самим себе. Многие пропускали школу, и развлечением для них был поиск в Шиловском лесу гильз, пороха, которые использовали в самодельных пистолетах. Но возня со взрывчатыми веществами, разумеется, не могла окончиться благополучно. Рано или поздно приходила беда, и матери хоронили своих детей. Это стало одним из самых страшных воспоминаний моего детства.

Особое влияние на меня в то время оказал старший брат, который был в ту пору незаменимым помощником для нашей матери. Он не только привил мне любовь к чтению, но и строго следил за моим поведением. Я навсегда запомнил, когда он наказал меня за попытку выкурить первую сигарету, точнее — махорку, которую уличные мальчишки получали от солдат в обмен на настоящие сигареты.

Мать

Леонид с доброй улыбкой неожиданно вспомнил один случай.

— Мама до войны получила неплохое образование — она окончила рабфак* при Воронежском государственном университете. Уставшая, едва справляясь со сном после тяжёлой работы (мама стирала белье, что было одним из ее заработков), мать всё-таки помогала старшим с уроками, особенно с математикой. Благодаря этому у нас по математике всегда были пятерки. И вот однажды старший брат решал задачку, а мы с сестрой, как обычно, слушали. Но у него ничего не получалось.

— Мам, помоги с задачей! — попросил старший брат только что пришедшую с работы мать.

Мама села на стул, начала читать задачку, и задремала. И вот снова голос:

— Помоги, ну помоги!

Мать на мгновение очнулась, с улыбкой произнесла:

— Ну, считай…

Все приготовились услышать привычное правильное решение или подсказку, но вместо этого мама, снова погружаясь в сон, тихо добавила:

— Сколько половников приехало?

Мы расхохотались, и в тот раз больше не стали беспокоить маму своими вопросами. Брат долго сидел над задачей и, в конце концов, решил её сам.

Затем поступила в Воронежский государственный зоотехническо-ветеринарный институт. Однако после одного происшествия, когда она распустила всех животных, на которых должны были проводиться опыты, её отчислили.

**«Задача рабфака состояла в том, чтобы подготовить рабочих и крестьян к изучению наук в высших учебных заведениях — университетах и институтах. Для ведения занятий на рабфаке привлекали профессоров и лучших преподавателей университета и сельскохозяйственного института». Здание рабфака не сохранилось — оно было взорвано фашистами в январе 1943 года. На этом месте теперь расположен парк «Орлёнок».*

Дом

— Когда мать с детьми и дедушкой вернулись домой, в родной Воронеж — везде стояли контрольно-пропускные пункты, нас не сразу пропустили. Назвав адрес, мы услышали: «Нужно подождать». Оказалось, что пока мы были в эвакуации, в наш дом попала бомба, но она не взорвалась. Минеры в те дни занимались спасением таких домов. То, что дом сохранился, было еще одним чудом!

Когда, наконец, мы попали домой, то увидели: от дома остались только стены да крыша. Спать нам пришлось на полу. Никогда не забуду, как мать перед сном сама сначала ложилась на брезентовую простыню, чтобы согреть её своим

телом, а затем уже укладывала на нее нас.

Казалось, вроде бы самое страшное позади, и вот он, дом! Но всё было разрушено как внутри, так и вокруг. Что я запомнил в тот день, когда мы вернулись, то когда мы с братом вышли вечером на крыльцо и увидели большое черное небо над головой, усыпанное звёздами. Звёзд было столько, что казалось, они вот-вот начнут падать, — хотелось кричать, что мы и не преминули сделать.

Немного расскажу о нашем доме. Сейчас его уже нет в Воронеже.

Он был разделен на три части. Одну часть занимала наша семья с дедушкой, вторую — мамина сестра с двумя детьми и мужем. В третьей жил сосед с сыновьями Толиком и Ленькой. У них был отдельный вход.

Ленька, мой ровесник пяти-шести лет — все почему-то звали его Люсей — был толстеньким и неуклюжим. Толя, его старший брат, которому было примерно 12 лет, всегда рассказывал нам интересные истории, и за это требовал подарки. Мы приносили ему огурцы и всё, что могли найти на огородах.

Говорили, что их отец во время оккупации помогал фашистским полицаям, но доказать это так никто и не смог.

Звездочка

— Однажды я гулял во дворе и ко мне подошел сосед То-

ля.

«А у меня вот что есть!» — хвастливо объявил он. Раскрыл ладонь, и я увидел яркую красную звездочку. Настоящую, командирскую! Такую носили на пилотках боевые командиры. В то время война только отступала, ребята часто находили на улице разные трофеи, но такая находка была настоящим сокровищем. От звезды нельзя было оторвать глаз: она сияла на солнце, покрытая эмалью, а красные лучи исходили от её центра, на котором были изображены серп и молот.

Я был уверен, что именно мне она должна принадлежать.

— Дай! Дай мне гвоздочку! — крикнул я, пораженный находкой. Я тогда был еще совсем ребенком, но этот момент навсегда врезался в мою память: как вместо «звёздочка» сказал «гвоздочка», и то, с какой горячностью стремился заполучить её… Но Толя, конечно, только смеялся и дразнил меня.

…Спустя много лет такая звездочка была на моей фуражке и напоминала мне о детстве.

Дед Семён

— Единственным взрослым помощником матери на протяжении всей войны был дед, её отец. В своё время он тоже сражался, участвовал в войне с Японией 1905 года. Всю оставшуюся жизнь он посвятил заботе о дочери. Мне было

пять лет, когда деда не стало, и я его почти не помню. Говорили, что он не пил, не курил, не ругался матом и всегда старался быть положительным примером для внуков. Сам он был детдомовцем и пережил много потерь. Женившись, рано лишился супруги, которая не смогла пережить смерти сына, случайно попавшего под копыта лошади.

Его бранным выражением было «подколодная свинья», — улыбается Леонид, — не умел по-настоящему ругаться, и все тут. Но при этом всегда мог защитить себя. Однажды, когда он сидел во дворе, местные мальчишки от нечего делать стали смеяться над ним, используя дразнилку про старого деда. Встав, дед взял верёвку и ловко накинул лассо на убегающего насмешника. С тех пор никто больше не пытался шутить с дедом, а тот мальчишка всем рассказывал, что у деда Семена верёвки сами бегают.

Девять волн

— Несмотря на послевоенную разруху, неустроенность и безотцовщину, мы, уличные дети, всегда были под присмотром стариков. Старики эти, пережившие обе Мировые войны, становились тогда воспитателями нашей нравственности. Их рассказы основывались на собственном опыте и проникали в самое сердце мальчишек. Один из таких рассказов — о девяти волнах — однажды буквально спас мне жизнь, когда я, уже, будучи взрослым, оказался лицом к лицу со

стихией.

День был спокойный, солнечный и ничто не предвещало беды. Я долго плавал в море, нырял, а потом решил заплыть подальше. Вдруг заметил, что поднялся сильный ветер. Сначала волны казались даже приятными и доставляли мне неописуемую радость, легонько подбрасывая и опуская меня. Но вскоре из маленьких и безобидных волны вдруг превратились в большие и опасные, готовые точно звери, поглотить тебя живьем. Только тут я увидел, что оказался далеко от берега и что вернуться будет теперь уже нелегко. Отдыхающие на берегу что-то кричали мне и махали руками, но я ничего разобрать не мог, хотя, конечно, понял, что они испугались за меня и призывают скорее плыть к берегу. Но волны, налетая друг на друга, отбрасывали меня все дальше и дальше в море. Я не на шутку испугался: что же делать! Теперь каждое мгновение могло стоить мне жизни. И тут мне на память пришла картина И. Айвазовского «Девятый вал». Я вспомнил рассказ из детства о девяти волнах, который мы, послевоенные пацаны, выросшие на улице, слышали от стариков, которые когда-то были моряками. Они говорили, что самая страшная и опасная в шторм — это девятая волна. И что, если пережить эту девятую волну — дальше уже выжить можно. И я начал считать. Первая, вторая, третья… А волны позади меня, все росли и росли. Пока они были маленькими, я легко справлялся с ними. Но чем они становились выше, тем сложнее было удержаться. С высотой волны увеличива-

лась и ее скорость, мне надо было плыть со скоростью волны, чтобы не накрыло водой. Все это я понимал, но силы мои были уже на исходе. Однако я карабкался, как мог и утешал себя, полностью уверенный, что вот она, осталась последняя, самая высокая и опасная волна, а дальше уже будет проще добраться до берега.

И вот огромная волна подняла меня на свою вершину, теперь главное было выдержать. Мои болельщики кричали еще громче, они бросались на помощь и тут же отступали перед стихией. Все могли только наблюдать и переживать, как я, словно тореадор на арене, сражался с бешеным быком, и исход был один — либо я, либо он. Сил уже не было, но на каком-то оставшемся чудом последнем дыхании я сделал рывок и — о, Господи! — мой злейший враг смирился! Волны снова стали ниже меня ростом и уже сами несли меня к берегу. Вскоре я ощутил под собою песчаное дно почувствовали песчаное дно. Неужели победа? Что было потом, этого я уже не помнил…

Не знаю, что спасло меня тогда. Конечно, будучи взрослым, я узнал, что нет никаких девяти волн, что это только поверье, выдумка моряков, часто сталкивавшихся со стихией, символ опасного испытания, которое внезапно может обрушиться на каждого из нас. Но в те минуты какое-то детское чувство заставляло меня верить, что девять волн и правда существуют. И именно эта вера и помогла мне тогда справиться с паникой: привела мои мысли в порядок, построила

их, как командир солдат, и вывела из опасности. Эта вера буквально спасла мне жизнь.

Клад

— Однажды, когда мне было уже лет 10, я нашел на чердаке нашего дома настоящий клад — царские деньги с изображением Екатерины Второй — «екатеринки», как их называли. Они хранились в деревянном лакированном ящичке с проржавевшим замком. Ящик легко открылся, и перед моими глазами предстал великолепный набор бумажных денег. Трудно было поверить, что этим деньгам больше ста лет — они выглядели как новые. На купюрах была изображена — царица, величественная и уверенная в себе. Как завороженный, я смотрел на изображение, не сразу осознав, что передо мной деньги — целое состояние.

Как только я это понял, меня охватило сильное волнение. На эти деньги можно купить целый дом, одежду, еду, подарки для матери, освободить её от тяжёлого труда! И не надо было бы больше думать о нужде! В то время я очень переживал, что у меня не было подходящей одежды, чтобы идти в первый класс, — из-за этого пришлось отправиться в школу только на следующий год, когда я подрос, и мог надеть форму брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.